

Лёня

НГ Exlibris (прил. к Независимой) —
2003-5 июня. — с. 6

Счастье критика — увидеть спектакль, который можно полюбить

Григорий Заславский

Леонид Попов. Единство времени и места.

— СПб.: Сеанс, 2002, 448 с.

В Петербурге вышла наконец книга, в которой друзья и близкие собрали статьи Леонида Попова, газетного рецензента, театрального критика, чьи статьи в книге не потерялись, напротив, в книге-то и стала понятна верность когда-то высказанных, в том числе и резких и ироничных оценок. Выцветание газетной бумаги — лишь материальное выражение скоро-

твоему имени, выше которого — только рисунки на ладонях... А Лёня меж тем не был ленивым. Называя его коротко, мы никогда не задумывались о таком вот языковом «соседстве» или даже совпадении. Сейчас только понимаешь, что из всех знакомых, друзей, коллег он был, может быть, самым неленивым, самым работоспособным. Брался за все, сам вызывался написать и про то, и про это, высылал в начале сезона целый список: такого-то числа состоится премьера в Театре имени Комиссаржевской, такого-то — в БДТ, такого-то — где-то еще, следовательно, рецензию на премьеру в Театре имени Комиссаржевской я пришлю тогда-то, из БДТ — тогда-то... Он высылал рецензии по факсу, но всегда день или два спустя кто-то звонил в редакцию, что привез от Лёни пакет, и там были сами рецензии и непременные фотографии. А он еще и переэвганивал: дошло? не дошло? пойдет? не пойдет?... Конечно, пойдет... Работая в газете, он умел писать много и хорошо.

Сейчас только понимаешь, что из всех знакомых, друзей, коллег он был, может быть, самым неленивым, самым работоспособным

портящейся газетной мысли. Лёнины слова и мысли не испортились, срок годности их и сегодня еще не прошел.

В имени Лёня как будто нарочно, проверяя человека на прочность, на сопротивление, русскими, как говорится, буквами выложена (зашифрована?) лень. Мол, поди ж ты, попрыгай, когда такие вот канаты, такие гири прилажены к самому

Это, конечно, ужасно, но глупости в таком повороте мысли нет, и сейчас это тем более отчетливо и очевидно: Лёня умер, и сразу стало понятно, что он был за человек. Не в человеческом измерении — с человеческим все было как-то более или менее понятно. Он был скромнен, он был чрезвычайно работоспособен и работоплюбив... Стало понятно, что

Театральное счастье не длится вечно. Оно даже не длится долго.

С. Судейкин. 1910-е годы

Лёня был высочайшего класса профессионалом. Когда он умер, я вдруг понял, что среди нынешних критиков его и сравнить-то не с кем, — начинаешь искать соответствующий ряд, и получается, что надо сравнивать его с Марковым, Юзовским — с теми блестящими критиками, которые не гнушались газетной поденщиной, и их стремительные заметки совсем скоро оказывались бесценными документами и, прощу прощения за высокопарность, свидетельствами эпохи. Театральный дневник Леонида Попова в этом смысле ничуть не менее ценное свидетельство, хотя, может быть, кто-то скажет, что предмет был не та-

ким увлекательным. Может быть. Хотя Лёня был одним из тех, кто открыл Москве глаза на новое поколение питерской режиссуры, всячески рекламировал и, как теперь говорят, «продвигал» Бутусова и Козлова, которыми искренне восхищался (и проблемы которых увидел тоже первым). Способность к восхищению, постоянная готовность к своему «критическому» счастью тоже выводила его из «порочного круга» нашей профессии.

Надо признать мужество, с которым он перенес разрыв и расставание с «Петербургским театральным журналом», то есть с тем, что было и его театральным счастьем, хотя, навер-

ное, этот разрыв не прошел бесследно. Что такое разочарование в учителе, я знаю. Тем более когда этот учитель тебя действительно чему-то сумел научить и ты ему многим обязан...

Лёня «целиком» вернулся в газету, хотя одной газете ему не хватало. Он писал в Москву про петербургские премьеры, а в Петербурге — про московские, которые он, приезжая, прилежно смотрел. Заходил, а вернее, забегал к нам в редакцию с очередной порцией статей и фотографий. И с некоторым снисхождением я отмечал его совершенное равнодушие к одежде, поражался его какой-то поразительной энергии и тому, что принято называть vitality. Он был, конечно, интеллигентом, но это была не московская интеллигентность — без спеси. При том что профессия требовала от него постоянного копошения в разного рода интригах, в том числе и чисто театральных, то есть тех, что разворачиваются на сцене, сам он оставался совершенным простаком. При мастерстве письма и изощренности мысли он в человеческих отношениях оставался чрезвычайно открытым и доверчивым (и разговаривать с ним всегда было просто). Наивным, как ребенок. Я даже завидовал ему — мне казалось, правда, что это город кладет отпечаток на лицо. Надолго сохраняя детские черты.

Все, наверное, вспомнят, как он много работал. «Детскость» у Лёни выражалась в открытости, а не в каком-то инфантилизме или несамостоятельности. Он писал, писал, печатался много, что, к «практическому сожалению», вряд ли приносило ему не такое уж и не необходимое материальное удовлетворение... Глупо, конечно, но мне сейчас стыдно, что он недополучил в нашей бухгалтерии какие-то деньги.

...Как жалко, что он не прочтет всех этих и всех остальных добрых слов. И уже не узнает, как мы его любили и как нам теперь не хватает его.